

Уйти после... «Отче наш»,... не оглянувшись

(несколько слов о ЛИТУРГИИ)

Инокня Евгения (Сеньчукова) | 24 января 2017 г.

«Попробуем представить себе продолжение пира. Вот внесли горячее, потом фрукты и, наконец, свадебный торт – и тут один из гостей шумно сморкается в салфетку и уходит, не прощаясь». **О том, как достоять Литургию до минут благодарности - инокня Евгения (Сеньчукова).**

«Главное – к Евангелию поспеть»

Инокния Евгения (Сеньчукова)

Наверное, это видел каждый постоянный прихожанин. Храм медленно заполняется: на «Господи, спаси благочестивые» людей чуть больше. После «Оглашенные, изыдите!» – еще. К Причастию подтягиваются семьи с детьми. После «Отче наш» часть выходит, после «Аллилуйя» – еще часть, а к отпусту в храме остаются самые стойкие.

Увы, наверное, каждый хоть раз так поступал.

«Я не буду причащаться, поэтому уйду после “Отче наш”!» – «А я не буду причащаться, поэтому просто опоздаю». – «А я как раз буду причащаться, ну так главное к Евангелию поспеть!»

Боюсь высказаться банально. Это – невежливо. Так нельзя ни с братьями и сестрами, ни с духовенством, ни с Самим Богом.

Господь порицает невоспитанность и бестактность. В притче о званых и избранных хозяин очень возмущен отказом гостей прийти к его сыну на прием по случаю свадьбы, хотя, казалось бы, у всех у них образовались очень важные дела. Один даже женился. Но, с точки зрения хозяина, это их совершенно не оправдывает.

Вообще-то хозяин прав. Во-первых, можно было бы и предупредить. Во-вторых, совершить сделку с недвижимостью можно было днем раньше, днем позже или, в конце концов, в тот же день,

но через несколько часов; купленные волю никуда за сутки не убегают, а уж внезапная свадьба и именно в день важного приема – это просто нелепость. Что, в древней Иудее ЗАГС только один день в месяц работал?

Хозяин – человек гостеприимный, он готов друзей найти и на улице. Но вот человека в «не брачной одежде» выгоняет вон. Если не вдаваться в толкования разного уровня исторической достоверности, то фактически это выглядело так: вылез человек из-за руля своего трактора и, даже руки не помыв, в штанах, перепачканных машинным маслом, благоухая потом, уселся за праздничный стол – видимо, считая, что вот только его тут все и ждут. Ну прямо герой песни Бориса Гребенщикова «Два тракториста»: «Один Жан-Поль Сартра лелеет в кармане и этим сознанием горд». Право же, друг мой, тебя не выпить пива приятели после смены зовут. Мог бы хоть рубашку сменить.

К Причастию – в гости на тортик?

Попробуем представить себе продолжение пира. Вот внесли горячее, потом фрукты и, наконец, свадебный торт – и тут один из гостей смачно облизывает ложку, шумно сморкается в салфетку, встает и уходит, не задвигая стул и не прощаясь.

Примерно такой же невоспитанностью, граничащей с хамством, является внезапный уход с Литургии. Или приход сразу «к столу» – то есть к Евхаристии.

Одно дело, когда на Литургию опаздывает мама с маленьким ребенком, по дороге сумбурно молясь, как могла бы молиться какая-нибудь спешащая на вечерю из притчи одинокая швея: «Господи, он у меня неусидчивый такой, прости, пожалуйста, мы так, на минутку буквально, только поздравить, на чашечку чая».

Другое – когда молодые, крепкие люди за свечным ящиком спрашивают: «А во сколько Причастие? В одиннадцать – одиннадцать пятнадцать? Оооокей!» – и на следующий день приходят ровненько к одиннадцати. Когда у вас там торт вынесут? А вкусный торт-то? Или так, вафельный? Вот к нему-то и придем! И тут же уйдем. «Что, вы уже уходите? – А разве еще что-то осталось?» – как живо повествуется в энциклопедии повседневной жизни, повести А. А. Милна «Винни-Пух и все-все-все».

«Меня ждут великие дела!»

Евангелист Иоанн рассказывает о последнем ужине Христа с апостолами без особых подробностей, зато тщательно описывает, что происходит после: омовение ног, долгая, вдумчивая беседа. Между прочим, именно в этой беседе Господь оставляет свою уникальную, новую заповедь, перекрывающую даже золотое правило нравственности «возлюбить ближнего, как самого себя».

– Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга, – говорит Господь. И тем самым напоминает: мерилom нашего отношения к ближнему являемся в перспективе уже не мы («как самого себя»), а Он («как Я возлюбил вас»).

То есть нам заповедана любовь до самопожертвования. До Креста ради друг друга.

Современность такого не одобряет. Попытки жертвовать собой по каждому поводу, как считается, нередко и даже чаще всего приводят к неврозу. Поэтому многие сегодня полагают, что жить надо для себя. В свое удовольствие. Своей жизнью. И с ними сложно не согласиться.

Да и чего это я всё «они» и «сегодня»? *Мы во все времена совершенно не хотим жертвовать собой, потому что «я у меня один».* И даже отдать после Причастия лишние пятнадцать минут *своего* времени Богу как, выражаясь языком современной философии, нашему «Абсолютному Другому», как персонификации нашего «ближнего вообще», а не конкретных мамы, папы, брата, друга, лежащего на дороге избитого путника, проходящего мимо самарянина, висящего на соседнем кресте разбойника – это зачастую трудно выполнимый подвиг, в качестве подвига не осознаваемый. Ведь меня ждут великие дела! Я не могу ждать!

Проблема в том, что мы слишком рано выходим из-за стола и пропускаем самые важные разговоры. А если мы задумаемся в этот стих (Ин.13:34), мы поймем самое главное: «Да любите друга друга». Христос не призывает нас к безответной любви. Мы вместе стоим перед Ним, как Он стоит перед нами, и это называется Церковь.

Так вот, пребывание с Богом – это не только принятие Святых Даров. Причастие – не магическая практика. Пребывание с Богом – это еще и пребывание с общиной.

С братьями и сестрами, которых мы, может, даже и не знаем. И окончание Литургии – всеми вместе, единым сердцем, а не уникальными потребителями Его Тела – об этом напоминает.

Зачем Богу наше «спасибо»?

Главное наше Таинство называется Евхаристия, то есть «Благодарение», да вот слов благодарности за него не так уж много. Признаемся, этому способствует и некоторый перекосяк в наших мо-

литвословах, когда Последование ко Причащению занимает раза в четыре больше страниц, чем Благодарственные молитвы, и сам устав богослужения, когда вынос Чаши рассматривается как связка богослужения (тогда как он скорее является кульминацией).

«Ну зачем Богу наше «спасибо»? И вообще, «спасибо» на хлеб не намажешь, в карман не положишь», – отмахнется торопливый прихожанин, спешно застегивая куртку и убегая в морозную даль – прочь с территории храма. И ошибется. Потому что из этих самых «спасибо» и складывается наше отношение к Богу и Его Таинству.

Апостол Иоанн спрашивает: «Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1 Ин. 4:20). Самое замечательное, что как раз Литургия позволяет «увидеть», «ощутить» Бога через Таинство Его Тела. «Видехом Свет Истинный, прияхом Духа Небесного», – поет Церковь сразу после него.

Впрочем, наш торопливый прихожанин, возможно, до этих слов не достоял. И очень зря. Благодарность (а оставшиеся минуты до конца богослужения – это время благодарности) – это не только воздаяние добром на добро, но и осмысление этого полученного добра, коллективная рефлексия над Дарами. В этой рефлексии фактически устраняется иерархия, о чем свидетельствует заамвонная молитва, произносимая священником из среды народа (всю Литургию, напомним, он провел на ступеньку выше – на амвоне и в алтаре, тем самым выступая в качестве, с одной стороны, живой иконы Бога, а с другой – старшего представителя общины).

«Всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Тебе, Отца Светов; и Тебе славу, и благодарение, и поклонение возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки

веков», – благодарит священник от лица всех нас, и мы присоединяемся к этому благодарению. Так из наших частных благодарностей, соединенных в единую благодарность, которая и звучит в заамвонной молитве, как бы складывается Благодарность вселенская – та самая вечная Евхаристия, что вечной Новостью и вечным Воспоминанием будет звучать на следующий день в новой Литургии.

Почему мы так долго молимся

Епископ Иона (Черепанов) , Юлия Коминко | 9 января 2017 г.

"Когда люди влюблены, они не могут друг с другом набиться, наговориться. Им даже молчать хорошо, только бы вместе. Так же и с Богом..." — **епископ Иона (Черепанов) находит неожиданные слова в ответ на распространенные недоумения, почему в Православной Церкви "всё так долго"**. Для чего нужны длинные службы и молитвенные правила, планируется ли сократить их в связи с насыщенным графиком жизни современных людей, и можно ли не молиться, когда устал после работы, читайте в интервью.

Как это было у апостолов

— Владыка, у вас есть ответ на вопрос, почему у православных всё так долго? Последование ко Причастию, службы, акафисты, каноны... Ведь нигде в Евангелии Господь не говорит: «Молитесь как можно дольше». Наоборот, молитва, которую Он дает людям — «Отче наш» — предельно короткая и лаконичная (Мф. 6, 9-13). И это фарисеев Христос упрекал за то, что они лицемерно долго молятся (Мф. 23, 14). А апостолов предупреждал: «Молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6, 7-8).

Получается, мы — как фарисеи и язычники?

— Последние слова из процитированных вами были как раз ключевыми. Как видим из текста, язычники молились о каких-то житейских вещах, потому и предупреждает Господь, что Отец небесный знает о наших нуждах прежде прошения у Него. И дальше говорит: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 32-33).

Собственно, почему желательно, особенно на этапе воцерковления, совершать молитвы по молитвослову, то есть, используя тексты, написанные святыми людьми: там все прошения касаются Царствия Небесного. Представьте, о чём бы мы стали молиться, когда вот только-только уверовали в Господа, ещё не погрузились в глубину Евангелия, не ощутили всю возвышенность слов Христа. Конечно, просили бы того, что кажется насущным, и чего обычно себе и другим желаем: здоровья, благополучия, счастья в

личной жизни. Но против этого, в общем-то, и предостерегал Господь.

И вот слова замечательной молитвы святителя Иоанна Златоуста, читаемой каждый вечер: «Господи, не лиши мене небесных Твоих благ. Господи, избави мя вечных мук. Господи, умом ли или помышлением, словом или делом согреших, прости мя. Господи, избави мя всякаго неведения и забвения, и малодушия, и окамененнаго нечувствия...».

Все прошения касаются совершенствования души, наших взаимоотношений с Богом, к Которому мы обращаемся действительно как к Отцу Небесному, Который знает о наших бытовых проблемах, и Ему даже напоминать об этом не надо, а просим мы Его лишь о том, что необходимо для пребывания с Ним в Вечности.

По поводу обличения фарисеев, которые много молились, здесь речь идет вот о чем. В те времена фарисеи стремились к максимальной праведности и это свое стремление всячески подчеркивали. Существовали определенные молитвы, традиции поклонения Богу. Как, к примеру, нынешние правоверные мусульмане: когда приходит время, они, не стесняясь, расстилают коврик — будь то в аэропорту, в учреждении, заведении или где-либо ещё — и совершают положенное молитвенное правило. Такому исповеданию веры стоит поучиться и нам, христианам, которые в большинстве своем стесняются перекреститься перед едой или проходя мимо храма, боятся смутить окружающих, отказавшись от скоромной пищи в постный день. Всё это не от смирения — в данном случае им-то как раз и не пахнет; просто мы стыдимся исповедовать себя христианами. Но Христос говорил: «Кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе

Отца Своего со святыми Ангелами» (Мк. 8, 38). И этих слов Христа никто не отменял.

Епископ Иона (Черепанов). Фото Юлии Маковейчук

Но вернемся к фарисеям. Для них молитвы в определенное время были связаны с конкретными обрядами и являлись как раз не исповеданием веры, а подчеркиванием своего благочестия. Собственно, это Господь и ставит им в упрек.

По поводу того, почему у православных всё долго. Молитвословия наши появились не на пустом месте: современное богослужение имеет в своей основе богослужение ветхозаветное. В «Деяниях святых апостолов» читаем о том, что первые христиане собирались в Иерусалимском храме, в синагогах — то есть участвовали в службах: «И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе» (Деян. 5, 42).

Описано также, что после сошествия Святого Духа на апостолов они «каждый день единомысленно пребывали в храме» и прелом-

ляли по домам хлеб (Деян. 2, 46). То есть сначала молились, а затем совершали Евхаристию — преломление хлеба в воспоминание о Христе. Можно провести аналогию с нынешней традицией. Суточный круг православного богослужения включает в себя часы, вечерню и утреню. Литургия в него не входит — она стоит вне всего, потому что это Тайная вечеря, за которой мы причащаемся Тела и Крови Господа Иисуса Христа. Суточный круг можно сравнить с той молитвой, которую ежедневно совершали апостолы, единодушно пребывая в храме, а Литургию — с особой службой, совершаемой ими отдельно по домам.

При этом написано, что они пребывали в храме *каждый день*. Не только ведь прочитать «Отче наш» они туда заходили... Наоборот, участвовали во всем цикле богослужения, которое включало в себя и чтение Священного Писания, и иные молитвословия. Помните, для чего рукоположили диаконов? Чтобы не отвлекаться на хозяйственные вопросы, а пребывать «в молитве и служении слова» *постоянно* (Деян. 6, 4). Всё это также говорит о том, что службы не были короткими.

Да, «Отче наш» — молитва Господня — настраивает на то, о чем нужно молиться. И, собственно, все остальные тексты, которые родились в христианской общине, являются как бы её расширенной версией. Главное же остаётся неизменным: мы молим нашего Господа о том, чтобы нам быть с Ним в Царствии Его, а остальное всё приложится.

На что променять красоту богослужения

— Человеку в городе, в селе столько всего надо сделать, и длинные службы в субботу и воскресенье практически ни на что не оставляют времени. Почему нельзя их сократить, чтобы учесть темп ритма жизни современных людей?

— Если взять общину первых христиан, то в Писании подчеркивается, что они *ежедневно* собирались, *ежедневно* пребывали в молитве.

Сейчас люди, даже имеющие массу свободного времени, работающие по свободному графику, каждый день храм не посещают. В лучшем случае — в субботу и воскресенье. Нельзя сказать, хорошо это или плохо, но так есть. Необходимость участия в богослужении сократилась лишь до Литургии в воскресный день или по особым праздникам. Христиане уже практически не почитают дни памяти святых, не внимают чудным песнопениям, не назидаются текстами, возносящими мысленно к мученикам, преподобным, праведникам. Ежедневное общение с Господом сведено к коротеньким утренним и вечерним молитвам. Так что Церковь, по-моему, уже донельзя перестроила всё под современные нужды.

Часто говорят: «Это жестоко, мы всю неделю трудимся, а в субботу вместо отдыха вечером должны идти на службу...». Знаете, мне жаль тех людей, которые сознательно хладнокровно лишают

себя красоты песнопений, посвященных воскресшему Христу. Ведь Литургия будничная и воскресная практически ничем не отличаются, но вот всё то, за что этот день, собственно, и называют «малой Пасхой», сосредоточено в вечерне и утрени, которые, по сложившейся традиции, служатся накануне воскресенья. И если человек вдумчиво относится к тому, что в храме поется и читается, старается всё это осмыслить, прожить, ему в голову не придёт променять красоту богослужения на какие бы то ни было иные занятия.

— Не являются ли длинные службы и молитвенные правила теми самыми взваленными на плечи верующих «бременами неудобноносимыми», о которых говорил Господь в Евангелии?

— Если для человека молиться в тягость, значит, он просто не любит Бога. Как бы жестоко это ни звучало.

В одном из интервью я уже говорил, что когда люди влюблены, они не могут наговориться, наобщаться. Им в радость даже просто сидеть рядом, смотреть друг на друга.

И если у человека нет нужды говорить с Богом, значит, он Бога не любит. Это страшное состояние.

Вспомните каждый своё неофитство, когда мы бежали в храм, молились утром и вечером, как жалко было заканчивать эту молитву, как хотелось вновь и вновь обращаться к Богу. Да, мы знаем, что это было действие призывающей благодати; на первых шагах Господь показывал правильное устройство человеческой души по отношению к Богу: как молиться, как жить, как выстраивать Богообщение. Тогда мы как бы увидели эталон — вот так должно быть, стремись дальше к этому.

Со временем Господь отнимает благодать, чтобы мы уже сами стяжали её, учились трудиться, двигались в этом направлении.

Понятно, что не всегда будет получаться, но помня ту радость пребывания с Богом, мы будем стремиться вернуть то, что потеряли. И видя это наше осознанное горячее желание, Господь по нашим трудам обязательно пошлет благодать, но произойдёт это тогда, когда сознание радости Богообщения не повредит нам, не вскормит наше тщеславие.

Священномученик Онуфрий (Гагалюк).

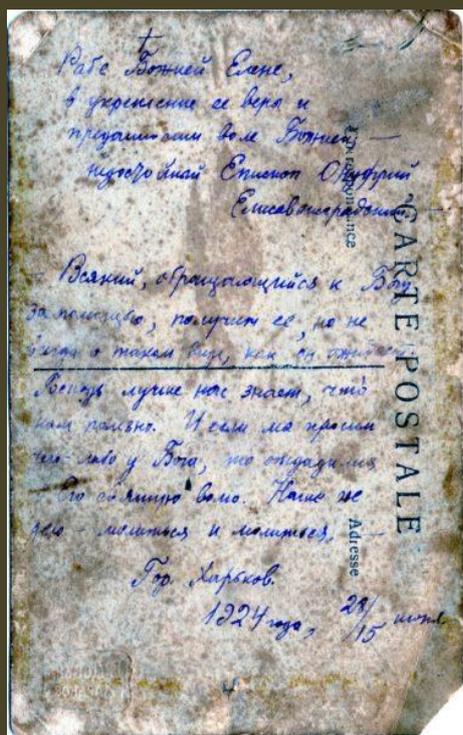
Ещё хочу сказать по поводу многословия. В начале XX века жил замечательный подвижник, будущий священномученик Онуфрий (Гагалюк). Как епископ Харьковской кафедры, в 1937 году он был расстрелян.

У меня есть его фотография с подписью, адресованной духовному чаду. Владыка пишет: «Рабе Божией Елене в укрепление веры и преданности воле Божией». И далее: «Всякий, обращающийся к Богу за помощью, получит ее, но не всегда в таком виде, как ожидает. Господь лучше нас знает, что нам полезно. Если мы просим что-либо у Бога, то во всем полагаемся на Его святую волю. Наше же дело — молиться и молиться».

Действительно, Господь всегда слышит молящегося. И кроме молитвы о небесных вещах, мы должны просить помощи и в наших земных делах, в том числе и о здравии ближних, о своем здравии, о помощи в различных нуждах. Но Бог видит ситуацию глобально, в целом, и то, что сейчас может нам казаться полезным, важным, неотложным, на самом деле для нас вредно и совершенно не нужно, а необходимо совсем иное. Также и то, что может казаться чем-то ужасающим и жутким, в конечном итоге обращается во благо.

Поэтому наше дело — «молиться и молиться».

Слова наставления духовному чаду. Подпись на обороте фото священномученика Онуфрия

Молитва без ущерба работе - способности

— Если нет сил, всё-таки можно встать утром или лечь спать вечером и просто искренне от сердца сказать «Господи, помилуй!»? Или нужно обязательно читать утренние и вечерние молитвы — из последних сил, но полностью?

— Прежде всего, давайте посмотрим, кому «нужно».

Молитвы необходимы нам, Бог в них не нуждается. Мы знаем, что Господь — сердцеведец, и Его не обманешь. Есть реальные ситуации, когда человек приходит с работы уставший и действительно, кроме как перекреститься и сказать: «Господи, в руке Твои предаю дух мой», сил у него ни на что нет. Но если мы сначала садимся к компьютеру, просматриваем в фейсбуке все новости, лайкаем статусы друзей, переходим по всем интересным ссылкам, встречаем в какие-то обсуждения, а после, с трудом отрывая себя от монитора, крестимся и падаем на постель со словами «Господи, помилуй!», это, согласитесь, уже лукавство.

Всегда нужно действовать по совести. Конечно, бывает, человек устает, и дома ему необходим отдых. Если работа эмоционально тяжелая, особенно в больших городах, понятно, что вечером хо-

чется как-то переключиться, получить душевную разгрузку и поддержку. В таких случаях, как правило, я советую читать, пока есть силы, вечернее правило до «Владыко человеколюбче», а уже перед самым сном дочитывать оставшиеся молитвы, которых совсем немного.

— **Если утром встал и побежал по делам, нужно ли читать утренние молитвы позже, днем, когда появилось время?**

— Думаю, лучше помолиться позже, чем не помолиться вовсе. Но каким бы ранним ни был подъем, встать на 15 минут раньше, чтобы попросить у Господа благословение на грядущий день, никакого ущерба нашей работоспособности не нанесет.

Но, опять же, Господь сказал: **«Сыне, даждь Ми твое сердце»**. И если в силу объективных причин мы не смогли что-то прочесть, хорошо, если совесть нас в этом обличает. Но не стоит доводить себя до уныния и отчаяния — мол, не дочитала столько-то строчек молитвы, значит, Господь не помилует. **«Жертва Богу — дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит»** (Пс. 50, 19), поэтому если имеем такое сокрушение сердца, признаём искренне: «Господи, прости меня, что я вместо молитвы засмотрелась на какой-то новый клип по телевизору или зачиталась статьей в интернете», думаю, Господь простит. Но необходимо понуждать себя так самоорганизовываться, планировать свой график, чтобы всё успевать.

Ещё бывает, утренние и вечерние молитвы в нашем мозгу замыливаются, и мы вычитываем их механически, совершенно не погружаясь в удивительный и величайший смысл собранных там прошений. В такой ситуации я обычно даю две рекомендации. Первая — **попытайтесь молиться вслух**. Пусть тихонечко, вполголоса, но когда произносишь те слова, которые привык просмат-

ривать глазами, они воспринимаются совсем по-другому и начинают буквально звучать в уме и сердце.

И второе — по благословию вашего духовника можно время от времени **заменять утренние и вечерние молитвы псалмами или чтением часов**. Знаю, некоторые духовники благословляют утром читать первый час, а вечером — девятый. Или утром первый и третий часы, и вечером — шестой и девятый. По времени столько же, но молитвословия другие, и человек переключается, молится более осознанно.

Всё вариабельно, жестких рамок нет. Главное — чтобы была домашняя беседа с Богом, время для личного общения с нашим Господом.

Епископ Иона (Черепанов). Фото Юлии Маковейчук

— Что бы вы посоветовали людям, которым постоянно не хватает сил на утренние и вечерние молитвы, и обязательно найдутся дела на субботу, мешающие нормально подготовиться ко Причастию?

— Самое главное — не оправдывать себя. В Псалтири есть замечательные слова, которые мы часто слышим на службах: «Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех...» (Пс. 140, 4). «Непщевать» — это изыскивать оправдания. Мы просим Господа, чтобы Он не уклонил наше сердце в лукавые слова оправдывать свои грехи.

Если нет времени и сил, а зачастую и желания, решимости самоорганизоваться, не облакайте это в какую-то оправдательную форму — дескать, «всё это поздняя традиция», «раньше так апостолы не молились», «это всё монахи придумали, Богу это не нужно». Простите, но предки наши в дореволюционный период спокойно молились, хотя работали значительно тяжелее, чем мы, однако это не мешало им быть на богослужении, ходить к заутрени. Сейчас оправдывать себя тем, что «я в офисе переутомился, мне теперь поклоны тяжело делать и в храм я прийти не могу», это чистое лукавство и есть.

Будьте честны перед собой и перед Господом. Что-то не получается — так и скажите: «Господи, я Тебя люблю. Господи, я хочу Тебе служить. Господи, я хочу с Тобой беседовать. Помогите мне, немощному».

Имейте смиренное о себе понятие и просите Господа о помощи: «Господи, я хочу молиться, но пока у меня нет решимости, пока мне лень. Дай мне силы быть с Тобой, дай силы быть Твоим и жить как Твои ученики и апостолы, которые постоянно пребывали в молитве».

И обязательно Господь, видя наше сокрушенное сердце, не лишит нас небесных Своих благ, обязательно даст Свою помощь, даст силы жить, трудиться и молиться так, как подобает христианину.

Беседовала Юлия Коминко

Почему мы скучаем на литургии

Священник Евгений Дорофеев / 9 ноября 2016 г.

Разговоры во время богослужения, на исповедь без очереди – все это нарушение дисциплины в храме. А как за ней следить? И как связаны с ней тайные молитвы? Рассказывает священник Евгений Дорофеев, клирик Покровского храма села Кудиново, продолжая дискуссию о запретах в Церкви.

В поисках адекватного алтарника

Священник Евгений Дорофеев

Порядок в храме во время службы – это всегда головная боль священника. С одной стороны, не хочется никого «жестко строить», но и позволять вести себя в Доме Божием, как на базаре, – невозможно. Что же делать?

Во-первых, чисто с «технической» точки зрения, для работы с шумной паствой неплохо иметь под рукой хотя бы одного адекватного алтарника. В непростой работе с очень разными прихожанами адекватность – главное условие успеха.

В одних случаях необходима добрая улыбка, в других – железный тон и металл в голосе. Необходима психологическая работа. Кстати, это еще и возможность пристроить к делу скучающую в храме молодежь. Молодежь любит деятельность, любит чувствовать себя востребованной. Ее полезно привлекать к процессу наведения порядка. Вполне возможно организовывать поочередные дежурства по примеру школьных. Но все это – технические аспекты.

Почему же в храмах так часто плохо с порядком? Причина в совокупности факторов: это и особенности детского поведения, и взрослая разболтанность, и устройство современного, вечно суетящегося и живущего на «больших скоростях» человека.

Скука и «вражеская провокация»

Но мне хотелось бы поговорить о другом факторе – самом важном. Откуда в храме вообще берется скучающая паства? Ведь скука и безделье порождают рассеянность, лишают возможности полноценно участвовать в богослужении. Но энергию и интерес куда-то девать надо, поэтому можно просто постоять подумать о своем житье-бытье, громко пообсуждать политику, бесцельно походить по храму в самые неподходящие моменты, отвлекая и толкая своих братьев и сестер.

Глядя на все эти не радующие глаз мелочи, хотелось бы поразмышлять о месте мирян (прихожан) в литургической жизни Церкви. Именно этот глубокий вопрос лежит в том числе и в корне поведения на богослужении.

Более года назад на имя некоего правящего архиерея поступило письмо от прихожан одного монастырского подворья в Москве. В письме была жалоба на настоятеля подворья. Сразу оговорюсь: копии письма были отправлены во многие православные СМИ и напечатаны.

История-то очень типичная. Суть претензий к настоятелю сводилась к следующему:

«С недавнего времени настоятель отец Иосиф стал радиофицировать чтение тайных литургических молитв, которые, как мы слышали от опытных священников, должны читаться вполголоса в алтаре, а не для мирян. Теперь же они звучат громко на весь храм. Такое нарочито громкое чтение тайных священнических молитв стало сильно мешать молиться, и это могут подтвердить многие прихожане нашего подворья. Дело в том, что громкое звучание этих «тайных» молитв, которые и не надо слушать прихожанам, накладывается на пение хора. Подобное громкое чтение тайных молитв под аккомпанемент хора на клиросе можно назвать «литургическим рэпом».

Помимо этого, о. Иосиф стал по воскресным дням служить литургию с открытыми царскими вратами. Хотя нам сказали, что он не получал на это благословение от священноначалия Московской патриархии». «Еще одно нововведение о. Иосифа – служба субботней литургии без хора с обязательным принуждением пения литургии всеми прихожанами.

Приведем еще одно униатское новшество о. Иосифа. Вынося святую Чашу из царских врат, он заставляет всех присутствующих в храме речитативом скандировать громко на весь храм слова молитвы перед причастием: «Верую, Господи, и исповедую...» Нам представляется, что настоятелем о. Иосифом в богослужебную практику подворья были внесены псевдоправославные литургические новшества протопресвитера-модерниста А. Шмемана. Как известно, он являлся идеологом американских духовных школ, через которые прошел и настоятель подворья игумен Иосиф, проживая в США».

С мнением этих жалобщиков сегодня согласится подавляющее большинство в нашей Церкви. Эти люди не видят в своих словах ничего несуразного и смотрят на все «нововведения» как на вражескую провокацию.

Однако многочисленные церковные предписания, уставы и традиции возникли не в День схождения Святого Духа. Многие (кроме самого важного, неизменного) менялись в течение столетий. Традицию не стоит представлять в виде неприступной крепости. Крепость охраняет и защищает, но сама может видоизменяться и перестраиваться. Традиция – не застывшая лава, а живая река.

Чего возрождать будем?

Явление, к которому так враждебно относятся вышеупомянутые прихожане, возникло на рубеже XIX-XX веков и имеет общее название – литургическое возрождение. Само по себе это словосочетание уже несет элемент вызова. Разве у нас в Церкви что-то приходит в упадок, чтобы это возрождать?! В целом, при крайне низкой религиозной культуре в сочетании с отсутствием христианской дидактики (большинство вряд ли читало когда-либо в полном объеме даже Новый Завет, не говоря уже о знании истории Церкви) много веков подряд сохраняется очень прочная ориентация на внешние атрибуты.

Борьба за неизменность всех форм, существующих в храме, воспринимается как священная борьба за чистоту Православия. Сохранить Православие означает сохранить именно то, к чему люди привыкли.

К этому прибавляется психологический феномен боязни перемен. И это не проблема последних лет. Само по себе массовое

церковное образование в России возникло только после петровских реформ. Но Церковь жила и живет не только образованием.

В Средние века церковная жизнь, пусть даже в гипертрофированно обрядовой форме, была плотно встроена в жизнь общества. Долгий и сложный путь развития христианства и общества привел к тому, что к XVIII-XX векам произошла резкая секуляризация всех форм жизни.

Практикующие и сознательные христиане остались в обществе в меньшинстве. Естественно, появилась потребность адаптации жизни Церкви к новым условиям. Условиям, когда нет уже христианских монархий, гарантирующих христианский строй жизни. Условиям, когда христиане превращаются из большинства в меньшинство. Но эти условия оказались далеко не новыми. Ситуация очень напомнила времена первых христиан в Римской империи. К литургическому опыту последних и было приковано пристальное внимание. Тем более что деятелями литургического возрождения – не без оснований! – поддерживалась идея о неправильном подходе к литургической жизни как одной из причин секуляризации и отпадения общества от Церкви.

Это было общехристианское явление. В Русской Православной Церкви одним из активнейших сторонников и идеологов литургического возрождения был блестящий писатель и проповедник протопресвитер Александр Шмеман. А одним из важнейших проявлений этого возрождения стало активное вовлечение мирян в сам процесс богослужения. И это было отнюдь не новшеством.

Древняя Церковь вмещала в себя фактически сослужение епископа (предстоятеля собрания) и народа. Эта структура выражалась во взаимодействии между евхаристическим собранием, которое было носителем всеобщего священства («Но вы – род из-

бранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2:9), и предстоятелем, облеченным в священство сакраментальное.

Священство всеобщее (священство мирян) и священство сакраментальное (епископское и пресвитерское) составляли литургическую структуру Церкви. Эта литургическая синергия, сослужение народа и священника, заключалась в принесении даров верными, чтении молитв анафоры вслух священником и участии общины в литургических ответах и совместном пении, участии мирян в других таинствах, соединенных с литургией, а также в более частом причащении. То есть миряне были действительно сослужителями, в подлинном смысле этого слова.

Позднее, в Византийский период, когда Христианство стало религией большинства, все постепенно принимало другие формы. Миряне стали, по выражению другого видного деятеля литургического возрождения протоиерея Николая Афанасьева, «пассивным элементом».

«Один из парадоксов церковной жизни: те, кто призван Богом и поставлен в Церкви на царственно-священническое служение, оказались в ней без этого служения» (протоиерей Николай Афанасьев, «Трапеза Господня»).

Меню почитаешь – и сыт

Все наши сегодняшние попытки как-то привлечь к активности мирян, без привлечения их к сослужению, напоминают кормление голодного человека исключительно прочтением меню из ресторана.

Придумываются различные приходские мероприятия: паломнические поездки, военно-исторические клубы, скаутские движе-

ния. Приходские мероприятия вне богослужения – вещь прекрасная. Это хорошо сплачивает и учит взаимодействию. Однако это не должно подменять собой истинного участия верных в жизни Церкви. А такая истинная жизнь возможна только в полноценном участии в Евхаристическом Собрании. И здесь, безусловно, нам необходимо шаг за шагом двигаться по пути подлинного литургического возрождения, по пути все большего привлечения мирян к сослужению в Таинстве Царства.

Если этого происходить не будет, а будет застывшая и плохо понимаемая форма, причем всячески скрываемая и как бы «оберегаемая», то мы все чаще будем сталкиваться с негативными явлениями в нашем Собрании. И плохое поведение в храме будет далеко не самым скверным из этих явлений. Нынешняя ситуация на богослужении определяется наличием трех параллельных и мало связанных друг с другом реальностей.

Первая реальность – это когда священник вскользь и бегло про себя читает важнейшие молитвы («тайные», которые никогда такими в древности не являлись и произносились предстоятелем громко и во всеуслышание, так как произносились от лица всего Евхаристического Собрания).

Вторая – хор, красивое, но совершенно непонятное пение которого порой просто заглушает важнейшие литургические моменты.

И прихожане, находящиеся в своей особой третьей реальности. И если эту, в большинстве своем совершенно не связанную с происходящим богослужением реальность, нарушают, то сразу же следуют обвинения в «модернизме», «униатстве», «масонстве». Когда человек говорит, что песнопения и молитвословия богослужения мешают ему молиться, то возникает резонный вопрос: а что он вообще делает в церкви? Каким образом он молится? Читает какие-то иные молитвы? Думает о своих житейских делах? Стоит в «состоянии отрешенности»? Или просто хочет, чтобы все поскорее закончилось, потому что стоять на одном месте сил уже нет...

Я оптимист и вижу: работа в нужном направлении ведется. Нынешнее священноначалие осознает необходимость возрождения в соответствии с древней церковной традицией.

В последнее время начали служить миссионерские литургии, в которых иногда предстоят даже высшие церковные иерархи. Патриарх и архиереи освящают новые храмы без стен иконостаса, создавшего искусственную преграду между священством и мирянами. Недавно такой храм при МГИМО освятил сам Святейший Патриарх.

Престолы, слава Богу, уже не так прочно закрываются «вратами Ветхого Завета» от верных Церкви, а начинают выноситься на середину храма – к святому народу. В богослужение, хоть и с большим скрипом, начинает проникать родной язык (русский, украинский и др.). Все это начало литургического возрождения, которое не должно дать богоборцам возможность превратить Церковь в музей.

Да и сами прихожане уже не те. На приходах все больше появляется людей, внимательно следящих за богослужением по книжечкам и хотя бы мысленно участвующих в нем. Безусловно, литургическое возрождение необходимо осуществлять грамотно и продуманно, под руководством священноначалия, а самые важные элементы должны проходить еще «обкатку» и в рамках Межсоборного присутствия, чтобы через благие намерения не вносить смуты в стройные ряды.

На приходах необходимо вести серьезную образовательную работу, связанную с детальным изучением Писания и Предания, истории Церкви.

Не стоит ставить мирян перед уже свершившимся фактом. Возрождение необходимо начинать через серьезную образовательную подготовку. И подготовка эта, безусловно, даст свой плод.

Думается, что через полноценное участие мирян в богослужении мы справимся со многими негативными явлениями, в том числе и с нарушением порядка во время службы. Через литургическое возрождение мы вдохнем в нашу церковную жизнь свежие силы, а силы эти понадобятся, так как у Церкви несомненная историческая миссия – тщательно подготовить свою паству ко Второму Пришествию.

